

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ РЕГИОНЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Раскрывается специфика социокультурных трансформаций на пространстве восточнославянского региона в условиях глобализации. Рассматриваются основные векторы влияния глобализационных процессов на функционирование государственных институтов, религиозные ценности и самоидентификацию локальных культур восточнославянских народов.

The specific of social and cultural transformations on the space of East Slavic region in the conditions of globalization opens up in this article. The basic vectors of influence of processes of globalization are examined on functioning of state institutes, religious values and self-definition of local cultures of East Slavic people.

Одним из критериев глобализационных процессов является трансформация социокультурного пространства. Это связано с тем обстоятельством, что все изменения в финансовой, экономической, политической, идеологической и других сферах в первую очередь отражаются непосредственно на человеке и обществе. Изменяются условия жизненной среды человека. Трансформируются нормы, ценности, идеалы, представления о мире и месте человека в этом мире, что, в свою очередь, влияет на изменение социокультурных основ человеческого бытия и на формирование новой иерархии ценностей.

Каким же образом глобализационные процессы отражаются на социокультурном облике восточнославянского региона? Особое значение исследования влияния глобализации на социокультурные доминанты восточного славянства связано с очевидным давлением глобализации на социокультурную сферу региона и трансформацией таких социально значимых ценностей, как государственность, мораль, религия, отношение к природе и обществу. В результате процессы глобализации существенно влияют на этнические, национальные и конфессиональные объекты идентичности переходных обществ и задают новые векторы и стратегии социодинамики Беларуси, России и Украины.

Прежде всего следует обозначить влияние глобализационных процессов на статус и значение государства в рамках восточного славянства. Известно, что в условиях глобализации национально-государственные формы общественной жизни постепенно утрачивают свою самодостаточность: посредством вовлечения государства в мировое сообщество глобализационные процессы размывают существующую национальную идею и доминанты национальной идентичности видоизменяются. В результате сознательное самоопределение личности и социума на основе осмысления и переживания своей принадлежности к определенной нации подвергается определенному испытанию. Поэтому изменение статуса государства в условиях глобализации особенно значимо для восточнославянского культурно-исторического типа, в рамках которого роль государственного начала всегда была достаточно высокой. Трансформируются ли статус и функции государства в условиях современной цивилизационной динамики восточных славян? Тенденция к трансформации общественного устройства с очевидностью иллюстрируется в рамках формирования международных правительственных и неправительственных организаций (ОДКБ, ЕврАзЭС, ГУУАМ, ШОС, СНГ и др.). Вместе с тем под влиянием глобализации национальная идея преобразуется и выражает реакцию общества на внешний вызов и дестабилизацию национального пространства. В результате появляется тенденция формирования региональной идентичности (СНГ, Союз России и Беларуси) и актуализации цивилизационной общности, которая расширяет возможности сохранения автохтонных ценностей в глобализирующемся пространстве и позволяет идентифицировать восточное славянство в рамках глобального мироустройства¹. Структурные изменения функционирования государства в рамках глобализации вызывают обратную реакцию у восточных славян: с одной стороны, актуализацию региональной связи, а с другой – канонизацию государственного начала. Поэтому сегодня отношения между странами, входящими в восточнославянский регион, во многом регулируются и определяются форматом их регионального взаимодействия в интеграционных объединениях: экономической, военно-политической, научной, технико-технологической и других областях.

Значимость государства в общественном сознании восточных славян тесно связана с религией, а власть освещается как «праведное дело», направленное на соблюдение порядка. Государство в восточнославянском регионе выступает оплотом стабильности, носителем мироустроительной идеи и представляет собой способ сохранения народа². В результате мессианская форма государственности, сконструированная в XV–XVI вв., повлияла на формирование сакрального, ценностного отношения к государственной власти в Московии, а затем в силу исторических событий и в общественном сознании белорусов и украинцев. А геополитическое положение, в свою очередь инициирующее возникновение сильного государства, оказало влияние на актуализацию мощной централизованной власти. Поэтому государственная власть восточных славян носила патерналистский характер и понималась сквозь призму этицистских взглядов на ее роль в общественной жизни и связи с гражданским миром³. Такое понимание государства как «организма» является для восточных славян одной из смыслообразующих ценностей цивилизации и в случае трансформации подвергло бы дисфункции матричный код восточного славянства в целом. Это обусловлено самой сущностью государственной

власти, аккумулирующей общественное и личностное, духовное и геополитическое начало, что было выражено Н. Карамзиным в тезисе «государство России существует Государем»⁴. Так, синтез религиозной и светской власти восточных славян повлиял на сохранение статуса и значимости государства и его роли во внешнем и внутреннем развитии в условиях глобализационного процесса. Поэтому понятие государства отождествляется со стабильностью, что в условиях транзитивного геополитического статуса обретает особое значение.

Однако следует отметить, что, несмотря на тенденцию сохранения значимости государства в восточном славянстве в условиях глобализации, политическое сознание подвергается кризисному влиянию, в результате которого обнажается аполитичность общества и его низкая правовая культура. Осознание отсутствия исторической и культурной традиции правового сознания в период глобальных трансформаций, с одной стороны, вызывает ощущение социальной травмы, а с другой – актуализирует значимость государственного начала, что выражается посредством повышения ценностного отношения к государству. Реакция государства на внешний вызов со стороны глобализации проявляется в формировании или укреплении новой идеологии, которая конституирует национальную идею, способную сплотить общество и не допустить дестабилизацию национального пространства. Социальный кризис актуализировал возрождение базовых ценностей и норм восточного славянства, исполняющих роль несущих конструкций цивилизационной идентичности. Наблюдается усиление роли традиционных религиозно-этнических механизмов социальной регуляции. В контексте защитно-протекционистской установки культур от воздействия глобализационных тенденций стандартизации имеет место рост этнической самоидентичности. Используются различные механизмы возрождения или формирования национальной идеи: героизация исторических личностей, интерес к прошлому наследию, состаривание национальной истории или ее искажение в соответствии с современной конъюнктурой, использование прошлого для легитимизации настоящего, выработка и усвоение национальных мифов и другие механизмы⁵. Иначе, глобализационные процессы, ориентированные на трансформацию роли государственного начала, активизируют этническое самосознание. В результате этнос обретает политические границы и формируется так называемый этнический национализм. Этнические доминанты являются своеобразным противовесом кардинальных социальных трансформаций, поэтому они связываются с установкой сохранения национальной идеи. В рамках построения новой идеологии этнический национализм может стать объектом манипуляции и мобилизации элит для конструирования необходимого образа культуры и использования его в прагматических целях.

Процессы возрождения этнонационального начала в культурах восточного славянства привели к двойственным результатам: позитивным для локального и неоднозначным для регионального уровней⁶. Интерес к этнической культуре, безусловно, влияет на обогащение национальных культур и построение идентичности. Популяризируются язык, традиции, мировоззренческие установки титульной нации, что оказывает влияние на внутреннюю гармонию и стабильность культуры. Вместе с тем артикулированное внимание к собственной локальной традиции приводит к дезинтеграции социокультурной общности восточного славянства, обнажая при этом конструктивный характер самой цивилизации. Сложность и неоднородность взаимоотношений стран восточнославянского пространства связаны как с объективными факторами: политические, экономические аспекты, единый хозяйственно-культурный комплекс в период функционирования Советского Союза, так и с субъективными: этнонациональная напряженность, связанная с национальной идентификацией, этноориентированным сознанием и деятельностью национальных элит⁷.

Так, идея уменьшения роли государств, декларируемая в контексте возникновения международных организаций, экономических объединений в условиях глобализации, в рамках восточнославянского региона не нашла своего подтверждения, а общая интенция на отмирание государства вызвала обратный интерес к национальной идентичности, коррелирующей с этническим самосознанием. Безусловно, государства восточнославянского региона, как и другие субъекты глобализационных изменений, не могут быть самодостаточными в области политики, экономики, экологии, технико-технологической сферы и ориентированы на взаимосотрудничество с другими субъектами международного пространства, но вместе с тем государство как институт сохраняет свою значимость в качестве культурно-исторической ценности, фундирующей цивилизационное начало. В то же время перед лицом глобализации в странах региона встает выбор сохранения цивилизационной целостности или актуализации индивидуального начала, ориентированного на автономное решение при выборе путей дальнейшего развития. Это обусловлено подъемом этнокультурного самосознания, являющимся ответом на тенденцию универсализации. Большую роль в культивации цивилизационного единства могут сыграть религиозные ценности, формирующие генетический код культуры восточнославянского культурно-исторического типа и исторически являющиеся доминантой цивилизационной идентичности восточных славян. Какое же влияние глобализация оказывает на религиозную сферу и способна ли религия интегрировать общество, подверженное внутрицивилизационному кризису в рамках глобализации, когда в самих истоках православия обнаруживаются дивергентные ценности?

Православие, в отличие от других конфессий, не привязано к географическим детерминантам, а зиждется на этнорелигиозном принципе, объединяя социум в единое целое и заменяя собой необходимость в этнокультурной идентичности. Поэтому общая характеристика глобализации – сжатие пространства – не влияет на перспективы развития религии. Более того, в ее религии наблюдается тенденция детерриториализации. Религия становится рассеянной поверх традиционных цивилизационных и культурных границ. В условиях форсированного роста социокультурной неопределенности в восточном славянстве религия способна выступать сферой сублимации других культурных идентификаций суперэтнуса⁸. Это связано с тем обстоятельством, что религия является самым устойчивым механизмом идентификации человека или общества с традициями. По социологическим данным, в начале 1990-х гг. в период кризиса, связанного с распадом Советского Союза, в России только 7 % идентифицировали себя с атеистами и свыше 40 % отнесли себя к верующим, а уже в 2002 г. православными назвали себя 80 % всех респондентов⁹. Об обращении к религиозным ценностям в Беларуси свидетельствуют данные социологических исследований, приведенные по Гомельской области с интервалом в 5 лет. Если в 1989 г. к атеистам относили себя 65 % опрошенных, то уже в 1994 г. – 35,2 %. Удельный вес верующих увеличился с 22 % в 1989 г. до 43,4 % в 1994 г.¹⁰ А на территории Украины, в свою очередь, вообще актуализируются интенции на получение автокефалии Украинской Православной Церкви, т. е. религия в период социальной аномии и социокультурных вызовов способна обострить чувство конфессиональной, национальной принадлежности или культурной памяти, тем самым опосредованно влияя на консолидацию или разобщение общества.

Как было отмечено, религиозное сознание является базовым элементом менталитета верующего и сравнительно мало подвержено кардинальным трансформациям. Вместе с тем глобализационные процессы спровоцировали возникновение и популизацию нетрадиционных форм религиозности и духовной практики. Это стало своеобразным вызовом для православия. Несмотря на то что в рамках православия создано внеисторическое учение о метафизическом духовном начале, православная церковь не была сориентирована на современные реалии. За счет роста приверженцев новых религиозных учений увеличивается общая численность верующих. Но, с другой стороны, падает уровень религиозности и духовности общества. Интерес к новым формам и практикам религии обусловлен общей тенденцией к индивидуализации социума и личности, а также размыванием традиционно-конфессионального понимания веры. Православие, в отличие от католичества и протестантизма, не выработало отдельной социальной и экономической этики повседневной практики и поэтому не дает человеку ответы на современный вызов и сталкивается с вызовом неоязычества, пропагандирующего значимость этнонациональных доминант. Поэтому в сознании человека закрепляются квазирелигиозные элементы, включающие одновременно и стремление к церкви, к духовному началу, и веру в астрологические прогнозы. Традиционные религиозные верования под влиянием глобализации становятся размытыми и не соответствуют каноническим библейским представлениям. В соответствии с социологическим опросом, проведенным на территории Беларуси, сегодня модель верования белорусов не соответствует православной традиционной модели и включает различные мистические элементы: среди опрошенных 26 % верят в перевоплощение душ, 23 % – в телепатию, 35 % хотя бы раз в месяц обращаются к гороскопу, только 48,2 % верят в грех, 31 % – в жизнь после смерти, в рай – 27,6 %, ад – 26,5 %¹¹. Это говорит об отсутствии рефлексии о собственной вере и их идентификации от мистической или языческой веры. Происходит маргинализация религиозного сознания: оно формируется на стыке альтернативных религиозных представлений и практик и поэтому растет зона мировоззренческой неопределенности. Для Беларуси такая эклектическая религиозность характерна в силу исторических обстоятельств (наличие католичества, униатской церкви и непосредственно укорененные языческие верования). Эта отличительная особенность связана с тем измерением православия, которое проявилось уже в истоках формирования христианского сознания на Руси: православие как результат социокультурного компромисса. Поэтому христианско-языческий синтез обладает латентной перспективой актуализации архаической обрядности и особенно проявляется в период кризиса.

Вместе с тем сегодня религиозная идентичность проявляется не в конфессиональном, а в социокультурном формате. Это связано с тем, что религия становится механизмом фиксации и приобщения к какой-либо культурной традиции, а не отнесения себя к какой-либо практике культового поведения. Поэтому при общем высоком уровне интереса к религии наблюдается достаточно невысокая степень религиозности. Например, на территории Беларуси в 2000 г. был проведен социологический опрос, иллюстрирующий данную амбивалентность. На вопрос: «Считает ли респондент себя религиозным человеком?» – были получены следующие данные: около 25,5 % ответили положительно, около 9 % – отрицательно и около 50 % сомневались в ответе. На вопрос: «Считает ли респондент себя верующим?» – около 57 % ответили утвердительно и менее 8 % идентифицировали себя как атеисты¹². Это демонстрирует тенденцию разграничения в общественном сознании факта признания себя как верующего и как религиозного человека, а также соотношения религии к культуре как способа отграничения себя от другого и обретения социальной и культурной поддержки. Поэтому можно говорить о размывании традиционного конфессионального понимания религиозности как единства конфессио-

нальности и поведения, в результате чего вера становится продуктом социокультурной идентичности, что, в свою очередь, также обусловлено дивергентными ценностями в православии. Например, на территории Беларуси обнаруживается тенденция обращения к архаическим традициям, а на территории Украины Православная Церковь сохраняет свои авторитетные позиции и актуализируется вопрос об ее автономии. Интенции Украинской Православной Церкви аргументируются тем, что византийская ортодоксия была воспринята на Руси сквозь призму язычества и поэтому существенно искажена, в отличие от первоначального христианства, к которому и апеллирует Украинская Церковь. Противоречия, заложенные в православном вероучении, проявляются также посредством старообрядческих движений, возникших как результат раскола Русской Православной Церкви в середине XVII в. и актуализирующих культурно-религиозные традиции православия до реформ патриарха Никона.

Важную роль в консолидации социума в период кардинальных трансформаций выполняет институциональная форма православия – церковь. Являясь социальным институтом, она непосредственно вовлечена в сферу социальных изменений и политических решений. В условиях социокультурного кризиса актуализируется связь религиозной и государственной сферы: религия и власть укрепляют друг друга через совместные решения и сотрудничество. В результате церковь опосредованно влияет на функционирование политики и обоснование действий политической элиты. Данное измерение православия, проявившееся еще в Московии, особенно актуально сегодня в период социальной аномии. Протекционистская ориентация церкви по отношению к сохранению статуса и роли государственного начала и его авторитетности обуславливает направленность церкви на решение не столько духовно-нравственных вопросов, сколько общественно-политических. Поэтому сама церковь теряет духовные ориентации и становится непосредственным общественным институтом. Направленность Русской Православной Церкви на усиление партнерских отношений с государственным институтом власти, упрочнение единства государства и гражданского мира наблюдается в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», утвержденном документе Архиерейским собором в 2000 г.¹³

Таким образом, глобализация как процесс оказывает существенное влияние на социокультурную сферу. В рамках влияния глобализации на восточнославянский культурно-исторический тип обнаруживается двойственная тенденция развития государства, религии, этнической идентичности: с одной стороны, наблюдается усиление интегративных процессов, формирование единой мировой системы, а с другой – тенденция к дезинтеграции, которая ведет к обособлению национальных государств и культур. В рамках восточнославянского региона проявляется ориентация на сохранение значимых атрибутивных характеристик государства как социального гаранта прав человека и гармоничного развития общества, но при этом обнажается низкий уровень правового сознания. Сохраняется ценностно-значимое, смыслообразующее восприятие религии как социального института, являющегося сферой сублимации социокультурной идентичности общества. И вместе с тем обостряется проявление различных измерений православия: наблюдается одновременно тенденция к ремифологизации сознания, автокефалии Украинской Православной Церкви и тесное взаимодействие светской и государственной власти. Если говорить о цивилизационной идентичности, то одновременно обнаруживается тенденция к регионализации, этнонационализации и приобщение к глобализирующемуся пространству. Поливекторность развития связана с необратимым влиянием других цивилизационных общностей, активизированным в процессе глобализации. Внедрение культурного полиморфизма, трансформация традиционной нормативно-ценностной системы и возникновение новых доминант мышления стали основанием кризиса цивилизационной идентичности. Это является причиной внутренней цивилизационной дифференциации, которая ставит региональное единство восточных славян перед эпохальным выбором: преодоление вызова глобализации через внутривизантистскую интеграцию или, с другой стороны, диверсификация, ведущая к дезинтеграции региона. Ответ на данный вызов зависит от общей стратегии цивилизационной динамики на микро- и макроуровнях.

¹ См.: Левин З. И. Восток: идентичность и глобализация. М., 2007.

² См.: Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч.С. Кирвель и др. Гродно, 2008.

³ См.: Новиков В.Т., Кандричин Н.А. Ценности и приоритеты развития восточнославянской цивилизации // Вестн. БДУ. Сер. 3. 2006. № 3. С. 53.

⁴ Василенко И.А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы исторического партнерства. М., 1999.

⁵ См.: Левин З. И. Восток: идентичность и глобализация. М., 2007.

⁶ См.: Пивовар Е. И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб., 2008.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ См.: Титаренко Л. Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном обществе. Мн., 2006.

⁹ См.: Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М., 2007.

¹⁰ См.: Новицкий В. И. Религиозная ситуация и межконфессиональные отношения: Энцикл.: Современная Беларусь: В 3 т. Т. 3. Культура и искусство. Мн., 2007.

¹¹ См.: Титаренко Л. Г. Указ. соч. С. 84.

¹² Там же. С. 70.

¹³ См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000.

Поступила в редакцию 24.05.11.

Ольга Владиславовна Курбачёва – аспирантка кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А.И. Зеленков.